

Часть 1

— Ух ты... — Пробормотал Сакута.

В тот момент, когда он ступил на концертную площадку, его поглотила безумная страсть фанатов. Зал без сидячих мест был забит до краев за целых пятнадцать минут до начала. Он вмещал всего двести человек, и толпа явно не могла дожидаться начала шоу.

Они были в Сибуре — популярном месте для молодежи. Для Сакуты там не было места особо развернуться. Раньше ему не приходилось посещать концерты идиолов. Выбрав безопасное место у задней стены, он повернулся к Нодоке.

— Значит, ты знаменита.

Она все еще выглядела как Май. А так как они не хотели рисковать, ведь знаменитая актриса не должна быть замечена в толпе, его спутница постаралась закрыть лицо шляпой и маской.

— Это самый большой зал, который мы можем занять, — проворчала Нодока.

Он был похож на две классные комнаты, расположенные бок о бок. По размеру это место походило на школьную научную лабораторию. И хотя там действительно было немного тесно, достоинством было то, что сцена находилась на расстоянии вытянутой руки. Даже с самого заднего ряда все наблюдавшие могли отчетливо разглядеть лица всех идиолов.

— Я не был саркастичен, — сказал Сакута.

Он скорее говорил о своих ожиданиях, а не о голых фактах. Но это не значило, что он имел намерение всё обесценить. Переполненный зал казался ему довольно серьезным вызовом.

— Твоя мама где-то здесь? — спросил Сакута, оглядываясь по сторонам.

Нодока упоминала, что мать не пропускает ее концерты.

— Вероятно, впереди.

— Серьезно?

У Сакуты не хватило смелости силой пробиться туда.

— Моя позиция обычно слева от сцены, так что...

Это означало, что Май будет стоять справа. Сакута посмотрел в ту сторону, чтобы найти ее, но там было слишком много людей. Он видел много других женщин. Или, скорее... девушек. Некоторые были его ровесницами, некоторые, очевидно, все еще учились в средней школе.

— Здесь больше девушек, чем я думал.

Подавляющее большинство фанатов были мужчинами. Но твердые 20 процентов аудитории – девушки.

— Их приводит Узуки.

— Кто?

— Узуки Хирокава. Наш лидер. Она еще и модель. Поклонницы в основном здесь из-за нее.

— Хм.

— У них у всех синие футболки, верно?

Как и сказала Нодока, более половины фанаток были одеты в одинаковые синие футболки. И на шеях у них были голубые полотенца.

— Что это такое?

— Они носят цвет своей возлюбленной.

Сакута посмотрел вниз. Не чувствуя себя подавленным, он просто захотел проверить свою собственную одежду. На нем была желтая футболка, с логотипом Sweet Bullet. Ему дали полотенце того же цвета. Это был довольно упрощенный дизайн, и с первого взгляда она выглядела просто как обычная футболка с логотипом. Но раньше он и не подумал бы, что наденет футболку такого цвета, ведь он не был и фанатом.

— Без нее ты бы слишком сильно выделялся, нежели с ней, — настаивала Нодока.

Сакута одевался неохотно. Но теперь, оглядев зал, он должен был признать, что она была права. Цвета могли быть разными, но все были одеты одинаково. Сама Нодока была одета в такую же желтую футболку под легкой толстовкой.

— Значит, желтый — это твой цвет?

— Что-то не так? Ты здесь из-за моей сестры, верно?

— Ну, конечно.

— Стоит попробовать разочек. Возможно, тебе действительно понравится

— Что ж, посмотрим.

Пожав плечами, он оглянулся на другой конец зала. По цвету футболки можно было определить, кто чьим любимчиком являлся, он хотел понять, кто был самым популярным. На первый взгляд «синий» побеждал. Красный — нет, розовый, вероятно, был следующим по популярности, а желтый и зеленый, казалось, были на голову ниже. Так что Нодока была здесь всего лишь третьим или четвертым по популярности идиолом.

— Моя сестра...

— М?

— Как у нее дела?

— Ты собираешься спросить это за несколько минут до того, как она выйдет на сцену?

Осталось всего пять минут до выхода. Нодока ничего не ответила, но была явно недовольна.

— Она отрепетировала всю программу выступления, — сказал Сакута, не глядя на нее.

— Очевидно. Я и не сомневалась.

— Тогда не спрашивай.

— Заткнись.

— Хотя я немного волнуюсь.

— Хм?

Но прежде, чем он успел ответить, раздался треск микрофона. Почти в то же время в зале погас свет. Единственное освещение составляли несколько тусклых огоньков у их ног — все остальное было окутано тьмой. Затем толпа закричала от предвкушения. И мгновение спустя в громкоговорителе раздался спокойный голос.

— Мы бы хотели попросить вас об одолжении.

— Узуки! — приветствовала толпа.

Участница Sweet Bullet, хотела сделать объявление.

— Тсс, послушайте! Это важно! — сказала она, а затем перечислила несколько правил. — Самое главное – никаких видео или фотографий, не заставляйте окружающих беспокоиться, не бросайте вещи на сцену, — она говорила это на каждом концерте, но это все равно преподносилось как беседа с фанатами.

И так каждый раз, без исключения, что фанаты всегда ценили.

— Теперь наша последняя просьба. — Толпа затаила дыхание, и на мгновение воцарилась тишина. Затем...

— Давайте повеселимся вместе! — На этот раз вся группа произнесла эти слова хором.

На сцене зажегся свет, и огромные фейерверки взорвались, как пушки. Когда Сакута пришел в себя от внезапного громкого шума, все семь идиолов уже стояли на сцене. Заиграл отрывистый ритм вступления первого номера. Много гитар и барабанов, определенно настоящий рок. Большинство песен Sweet Bullet исполнялись в этом направлении. Май смотрела видео с их выступлениями почти каждый вечер, так что Сакута был довольно хорошо знаком с их дискографией на данный момент.

Под аккомпанемент живой группы они начали петь, определенно девичью песню, посвященную следованию своим мечтам. Вдохновляющие тексты действительно продавались, особенно в исполнении идиолов. Вторые и третьи номера также были популярными песнями в быстром темпе. После третьего номера все участники выстроились на сцене и пытались отдышаться.

— Всем привет! Мы — Sweet Bullet! — хором воскликнули они.

Фанаты начали кричать.

— Узуки! Яньянь! Дока!

Идолы помахали в ответ.

— Я тоже должен это сделать?

— Не нужно, — сказала Нодока.

За все это время она не пошевелила ни единым мускулом, но пристально сейчас смотрела на него. Должно быть, подумала, что Сакута смеется над ней. А он просто пытался проникнуться духом происходящего, вооруженный желтой футболкой Нодоки Тоёхамы и всем прочим.

— Ну вот, мы все здесь. — Девушка в середине, держащая микрофон, была самой высокой из участниц группы, и она была солисткой во всех песнях.

— Это Зуки*, — прошептала Нодока. — Лидер группы и модель.

[П\QC: ヒロカワ (Хирокава Узуки) / ズキ (Зуки, вероятно псевдоним), во втором случае, идет двойная «к» и более правильный вариант «Зукки», но для удобства оставили «Зуки».]

У нее определенно была подходящая фигура для этого.

— Ты думаешь, моя сестра симпатичнее, да?

— Не читай мои мысли.

Май была еще выше. И ее фигура была безупречна.

— Зуки, ты действительно работаешь до седьмого пота! — сказала коротко стриженная девушка рядом с ней.

— Идолы не потеют! — сказала Узуки, явно застигнутая врасплох.

Сомнительный разговор. Возможно, она была смущена. Узуки немного покраснела, и явно не от напряжения.

— Все могут это видеть!

С Узуки Хирокавы заметно капало. Ее челка прилипла ко лбу. Но это касалось каждой на сцене; никто из них не остался таким же безупречным как до выхода. Открытие шоу было настоящей тренировкой. Производительность на полную мощность.

— Зуки, я всегда слышу, как ты жалуешься на мокрые от пота трусики после шоу.

Этот удар был нанесен светловолосой девушкой слева от сцены — Нодокой Тоёхамой (в настоящее время с Май внутри нее). Зуки начала паниковать.

— Идолы не носят трусиков! — завопила она.

У нее было телосложение модели и вид взрослой женщины, но ее было удивительно легко вывести из себя.

— Ну, я их ношу! — сказала Май, подхватывая тон Нодоки.

Все остальные члены группы присоединились, предав своего лидера.

— Я тоже!

— И я!

— П... правильно, следующий номер! — сказала Узуки, пытаясь сменить тему.

— Нет, нет, сначала нам нужно разобраться с этим делом особого подразделения Зуки, — сказала коротко стриженная девушка, подавляя смех.

— Хорошо, я их надену! Но идола не потеют!

— Тогда что это такое? Она указала на челку, прилипшую ко лбу Узуки.

— Это, э... э, какая-то секрция, — ответила Узуки с невозмутимым лицом.

— Нам, вероятно, следует перестать придирается к ней, прежде чем она скажет что-то, что может положить конец ее карьере идола, — сказала Май, театрально шепча в микрофон.

Это вызвало большой смех.

— Хорошо, следующая песня! — сказала коротко стриженная девушка.

Похоже, она была заместителем командира группы. Они дружно смеялись, пока не встали на нужные позиции, готовые к следующему номеру. Все они повернулись спиной к зрителям, стоя совершенно неподвижно. Выступление началось. Это был поп-номер, очень милый. Именно то, что у Сакуты обычно ассоциировалось с песнями идиолов. Очень отличается от рок-стиля первых трех номеров.

— Иди! — крикнул кто-то.

И все участники развернулись, улыбаясь и подпрыгивая. Текст песни был довольно необычным. Ничего о мечтах или дружбе, или горько-сладкой, односторонней любви. Сакута представил каждого из семи членов группы по очереди.

— Кто эта элегантная красавица, которая всегда садится в лужу?

Вся толпа завопила:

— Зукиии!

— Кто носит яркий макияж, но очень серьезен?

— Докааа!

Когда фанаты выкрикивали их имена, они меняли свои светящиеся палочки на цвет, ассоциирующийся с каждой девушкой. Очевидно, концерты идиолов проводились не просто для прослушивания песен. У них также были и интерактивные части. Пока песня продолжалась, участники по одному покидали сцену. И когда фанаты снова называли их имена, они возвращались в новых костюмах. Музыка была разработана так, чтобы соответствовать этому интерактиву. Идолы и их поклонники настолько чувствовали друг друга, что это было своего рода ошеломляюще. Сакута остро осознал, что он никогда еще не сталкивался с этой энергией в обычной жизни. Последнее представление закончилось как раз перед перерывом, они оставались в своих костюмах. Дальше тексты песен были посвящены участницам группы.

— Мы стреляем в Кохаку! Будокан!

Самая популярная музыкальная трансляция в Японии и крупнейшая концертная площадка.

Действительно, высокие цели. Фанаты тоже пели. Они были так увлечены, что это было похоже на грандиозный финал, но концерт только начинался.

— У вас есть несколько интересных номеров.

— В принципе, у всех групп идиолов есть такая тематическая песня.

Нодока посмотрела на него так, словно была удивлена, что он даже этого не знал. Но Сакута ни хрена не знал о стандартных вещах идола.

На сцене начался следующий номер. У каждого из участников был жезл. Хореография танца состояла из их вращения во время танца в строю, они были похожи на гвардию духового оркестра. Совершенно другое настроение, в отличие от предыдущей песни. Но одно осталось прежним — песня завораживала своим звучанием. Когда начался второй припев, в зале что-то переменялось. Взгляды почти всех фанатов были прикованы к одной девушке. Блондинка с левой стороны сцены. Май, играющая на сцене роль Нодоки Тоёхамы. Все остальные девушки внимательно следили за своими дубинками, но Май едва взглянула на свою. Она не сводила глаз с толпы, улыбаясь им. Ее движения были легкими, уверенными, отработанными. Ее ноги будто сами знали куда шагать. Девушка остановилась именно тогда, когда должна была,

мысленно погружившись в непрерывный поток музыки. Май двигалась изящно, но совершенно не теряла очарование юной девушки идола.

Это был групповой танец, все семеро делали одни и те же движения. Май не старалась выделиться. Глаза просто естественно стремились к ней. Это была своего рода робкая привлекательность, которую она излучала. Она была другой. И так думал не только Сакута. Он был уверен, что фанаты тоже заметили это. Они не могли отвести от нее взглядов.

Как раз перед перерывом произошло нечто такое, что заставило его застыть словно в камне. Главная вокалистка, Узуки Хирокава, неудачно бросила дубинку. Взмолнованная этим, Узуки убрала микрофон от своих губ. Но она была в середине соло, так что это должно было вызвать кратковременное прекращение вокала. Но голос Май повысился, как будто она подобрала упавший мяч, продолжив песню. Другие девушки выглядели удивленными, но они были в середине песни и продолжали улыбаться, пока пели остальное. По толпе пробежало волнение, и они еще больше насторожились. Узуки пришла в себя, и Май бросила на нее быстрый взгляд, возвращая ей партию вокала. Приятное продолжение после неудачного падения, которое могло бы полностью испортить выступление. Толпа сходила с ума. Рядом с Сакутой Нодока восхищенно смотрела на сцену. Ее губы двигались под маской. Он не мог слышать, что она говорила, из-за всех этих аплодисментов. Но он знал, что она сказала.

— Она потрясающая...

Нодока, возможно, даже не осознавала, что сказала это вслух. Но глаза выдали ее неподдельное восхищение.

Они исполняли мечтательные баллады, номера биг-бэнда, техно-поп* — все виды музыкальных жанров, хореография к каждой песне была идеально подобрана.

[П\П: Биг-бэнд — тип большого ансамбля джазовой или эстрадной музыки. Техно-поп — возможно, Синти-поп — жанр синтезаторной электронной музыки.]

Они заставляли толпу прыгать от радости, в которой два часа пролетели в мгновение ока, и настало время грандиозного финала. Все на сцене истекали потом. Уже все девушки сбили дыхание и были немного не в себе. Но они все равно выстроились в ряд, ярко улыбаясь и как всегда дружно берясь за руки.

— Спасибо вам всем! — Они поклонились своим фанам.

Когда девушки снова поднимали головы, они выглядели по-настоящему счастливыми. Довольными сегодняшним концертом. На их лицах были такие улыбки, которые поднимают настроение при одном взгляде на них.

— Ну? — спросила Нодока.

— Я понимаю, почему некоторые люди так увлекаются идолами.

Он говорил абсолютно серьезно. Сакута и понятия не имел, что концерт — это такая большая работа. Было похоже на то, что они вложили в это все, что у них было, и выкарабкались.

— Хм, это удивительно.

— Что?

— Я имею в виду, ты обычно скуп на восхищение.

Он не согласился, но... не настолько.

— Я просто подумала, что ты считаешь эту действительно тяжелую работу глупостью.

— Если кто-то смеётся над тяжелой работой других, то он просто неудачник.

— Слышать, как ты это говоришь, еще более удивительно.

Хотя Нодока казалась довольно счастливой.

— Но, если тебе это так нравится, почему бы тебе не попробовать?

— Нравится?

— Например, присоединиться к команде и стремиться к национальным соревнованиям. Может быть, тогда ты не выглядел бы таким сонным все время.

— Я не настолько самонадеян, чтобы присоединиться к какой-либо команде во втором семестре моего второго курса.

Он скорее умрет, чем пробьется силой в существующее сообщество. Они бы тоже не приняли его. И Сакуту вполне устраивал сонный вид.

— У тебя не хватает такта заботиться об этом.

— Я знаю, хочешь верь, хочешь нет. И, кроме того, я и так достаточно занят.

— Лжец.

— Я готовлю еду, убираю квартиру, ванну и туалет, выношу мусор и стираю.

— Это не та работа, которую я имею в виду! — сказала Нодока, закатывая глаза.

Сакута проигнорировал ее.

— Только потому, что у меня нет поклонников, болеющих за меня, ты хочешь сказать, что моя тяжелая работа не считается? Кроме того, это звучит так, как будто ты типичная мама.

— Да. И я говорю, что мамы всего мира потрясающие.

— Ты совсем не такой! Тьфу, забудь об этом, — сердито фыркнула Нодока, поворачиваясь обратно к сцене.

Идолы направлялись к кулисам, махая на прощание. Сакута не смог встретиться взглядом с Май. Он был почти уверен, что она знала, что они здесь. Она отправила им билеты, и здесь, сзади, вокруг них было достаточно места, чтобы они, вероятно, были видны со сцены. Но она не смотрела на него, потому что была Нодоккой. Она отказалась позволить этому акту начаться даже сейчас. Выступление Май Сакурадзимы в роли Нодоки Тоёхамы было безупречным совершенством. За исключением одной вещи. Он беспокоился об этом вчера. Нодока Тоёхама благодаря Май была производительнее, чем будь все это время Нодока настоящей.

Как только все они оказались за сценой, толпа начала скандировать.

— Бис!

Крики двухсот человек производили много шума. Это продолжалось с минуту, а затем кумиры выбежали обратно, одетые в обычные футболки. У всех в руках были микрофоны, но не похоже было, что они собирались петь.

— Извините, мы не можем сегодня выйти на бис! — сказал Узуки, переживая, нормально ли отреагируют зрители.

Толпа воскликнула, но Узуки только мягко улыбнулась.

— Есть веская причина! — закричали девушки все вместе.

— О—о—о! — взревели фанаты, по-настоящему взволнованные.

— По традиции Sweet Bullet мы собираемся объявить кто будет солистом нашего следующего сингла!

Заявление Узуки заставило напряжение толпы подняться выше крыши. Гром приветствий и аплодисментов. Фанаты выкрикивают имена разных девушек. Из-за кулис вышла женщина с непроницаемым взглядом. На ней была толстовка с капюшоном, она, должно быть, работала когда-то в шоу. Она вручила Узуки конверт и быстро покинула сцену.

— Если это объявляю я, значит, это буду не я! — сказала Узуки, изображая разочарование.

— Ты никогда не знаешь — они могут заставить тебя объявить и о себе, Зуки, — сочувственно сказала коротко стриженная девушка.

Она погладила Узуки по голове. Казалось, эта участница была единственной, кто заботился об эмоциональном благополучии группы. Узуки сразу пришла в себя.

— Поехали! — крикнула она.

Девушка передала свой микрофон и вытащила из конверта сложенный листок бумаги. Она открыла его на ладони, осматривая.

— Мм? — сказала она. — Ее голова склонилась набок, как будто она сама внезапно была заинтригована. Она снова посмотрела на него. — Ух ты, — сказала она. — Неожиданный сюрприз.

— Э... э, что происходит? Ты меня пугаешь!

— Ах, Зуки! Поторопись!

— Что значит «Ух ты»?!

Другие девушки выглядели нервными и взволнованными.

— Все в порядке! — сказала Узуки.

Все выпрямились. Их глаза закрылись, они молились. Май сложила руки вместе и подняла их ко лбу. Точно так же, как Нодока в видео с более раннего концерта.

— Солисткой следующего сингла будет...

Узуки сделала драматическую паузу. Она глубоко вздохнула. Ее голос эхом разнесся по

притихшей толпе.

— ...Докааааа!

На мгновение воцарилась тишина. Кумирам и фанатам потребовалось время, чтобы отреагировать. Это было впервые, и никто не знал, как реагировать. Но вскоре по толпе прокатился хор

—О—о—о!

Затем были радостные возгласы, а затем — праздничные аплодисменты. Все фанаты Нодоки подняли желтые светящиеся палочки. Все остальные фанаты поменяли свои, чтобы соответствовать. Весь зал внезапно стал желтым. На сцене Нодока Тоёхама получила огромные объятия от всех остальных, празднуя свой дебют.

— Я уверен, что она убедила вас всех сегодня! Дока была выше всяких похвал! Ты действительно спасла меня там! Еще раз спасибо!

— Ты действительно была в ударе, Дока!

Вся группа кивнула в знак согласия. После этого раунда поздравлений Нодока Тоёхама, солистка их следующего сингла, вышла вперед, и сказала что-то о том, как усердно она будет работать, а затем пришло время уходить.

— Большое вам всем спасибо, что пришли!

Все семь членов группы низко поклонились. Занавес опустился, и концерт закончился. Но напряжение, гудевшее в толпе, никуда не делось. Они медленно выходили, подчиняясь указаниям персонала. В вестибюле Сакута увидел огромную очередь поклонников Sweet Bullet.

— Для чего это? — спросил он.

— Вот, — Нодока указал на проход к выходу.

Участники Sweet Bullet стояли за узким столом, провожая своих поклонников. Они давали пять каждому, кто приходил.

— Хочешь присоединиться к ним?

— Май просто притворилась бы, что не знает меня. Нет, спасибо.

Каковы бы ни были причины, это все равно было бы отстойно. Просто представить это было больно. Тем временем все фанаты ухватились за возможность поговорить напрямую со своими любимчиками.

— Удачи тебе! Я поддерживаю тебя! Ты мне нравишься больше всех!

Сакута увидел кого-то, кого он узнал в этой очереди. Женщина намного старше, чем другие поклонники Sweet Bullet. Мама Нодоки.

— Это хорошо, это хорошо, — сказала она, беря дочь за руку и кивая, уголки ее глаз блестели.
— Я так рада. Ты так усердно работала.

Она выглядела одновременно счастливой и успокоенной. Кто-то из персонала заговорил с ней, и она извинилась перед ними и фанатами вокруг нее и направилась к выходу. Вскоре она скрылась из виду. Но Нодока встала как вкопанная. Она в ледяном молчании уставилась на свою мать.

— Она улыбалась... Моя мама на самом деле улыбалась... — ее голос был хриплым, губы дрожали.

— Ну, иногда она должна улыбаться.

— ...Никогда. — Ее голос был ровным и низким, а эмоции исчезли на лице, — она никогда так не выглядела со мной.

Ее кулаки были сжаты и дрожали. Но это вскоре утихло. Прежде чем Сакута успел придумать, что сказать, Нодока покинула свое тело, как будто она только что... сдалась.

— Я должна была знать, — прохрипела она, звук едва пробивался наружу, — кто моя мама на самом деле.

Это прозвучало как тонкая пленка трескающегося льда.

— Это все из-за нее. — Треск стал громче, — мама всегда любила только ее.

Слова Нодоки пробились сквозь слой льда, образовавшийся на поверхности воды в ее сердце. Свет погас в ее глазах. Нодоку поглотила тьма. Окруженная затянувшейся страстью концерта, Нодока погрузилась в уныние.

По дороге домой было так тихо, что казалось, будто им приснился шум толпы. Жар энтузиазма полностью угас, и Сакута нигде не мог найти его и следа. Нодока вела себя так, как будто ничего не случилось, как будто ее разум был совершенно пуст. Она просто стояла у дверей поезда, явно мертвая внутри. В ее глазах ничего не отразилось. Она достигла истинного опустошения. Переполненный поезд облегчал стояние в тишине, и поскольку Нодока даже не взглянула в сторону Сакуты, он оставил ее в покое. Ни один из них не сказал ни слова во время сорока пятиминутной поездки из Сибуйи в Фудзисаву.

—Тоёхама, — сказал он на станции, вытаскивая ее на платформу.

Если бы он оставил ее в покое, она, вероятно, проехала бы на этом поезде так далеко, как только смогла.

Они последовали за потоком толпы к воротам. Привычка привела его к северному выходу. Если он направлялся домой, то этот выход, у магазина электроники, был самым быстрым. Но он остановился через несколько шагов, поняв, что Нодоки больше нет с ним. Он обернулся, нахмурившись, и увидел, что она направляется к южному выходу, который ведет к соединительному проходу в отдел магазина Одакью и к станции Эноден Фудзисава.

— Не хочешь идти коротким путем, да?

Он догнал ее и взял за руку.

— Мы живем вон там, — сказал он, указывая им за спину.

Нодока не подняла глаз, не взглянула на него. Он даже не был уверен, что она его услышала. Она совершенно не реагировала. После долгого молчания она прошептала:

— Я не хочу идти домой. — Ни жизни, ни эмоций, ни энергии. Как будто она была совершенно пустой внутри, — ...Я хочу увидеть океан.

Сакута посмотрел на электронный дисплей, показывающий время для следующего поезда. Часы рядом с ним показывали чуть больше девяти. Было не очень поздно, но определенно не обычное время дня для времяпровождения на пляже.

— ...

Но сейчас Нодока была пустой оболочкой, и он не мог оставить ее в покое. Даже если он потащит ее домой, она, вероятно, просто снова уйдет, и это может привести к настоящим неприятностям.

— Ладно. Но не слишком долго.

Он отпустил ее руку, и они направились к станции Эноден Фудзисава. Чтобы добраться до океана, они могли бы сойти на станции Эносима. Пляжный сезон закончился, но любой мог пойти на побережье, когда захочет. Вид с моста Бентен всегда был потрясающим. Но Сакута предпочел не выходить. Также можно было увидеть воду дальше по линии на станции средней школы Камакуры. Вид с платформы этой станции был самым лучшим. Но Сакута и там не вышел.

Поезд продолжал пыхтеть вдоль побережья. Он подумал о нескольких других станциях, которые могли бы доставить их к кромке воды, но в конце концов Сакута и Нодока сошли на самом знакомом месте: станции Шичиригахана. Та же маленькая станция, которой они пользовались каждый день по дороге в школу Минагахара. Прогулка до пляжа займет всего две—три минуты. Просто выйти со станции, направляйся на юг, и ты уже там.

Они спустились по склону, миновали единственный круглосуточный магазин, а затем остановились на красный свет. Тот, что на 134-м шоссе. Обычно они ждали целую вечность, но сегодня они довольно быстро пошли належке. Нодока и Сакута перешли дорогу и спустились по лестнице на пляж.

От сентября оставалось всего два дня. Температура упала в тот момент, когда наступила ночь. У океана бриз был достаточно свежим, от которого длинное побережье казалось еще привлекательнее. Сакута подошел ближе к кромке воды, одним глазом поглядывая на Нодоку. Ночное море, глубокое и темное. Лунный свет отражался от поверхности, но это делало глубину океана еще более непостижимой. Сакута остановился на безопасном расстоянии от волн. Но шаги Нодоки продолжались. Она прошла прямо мимо него в воду, не заботясь о том, промокнут ли ее туфли.

— Эй, — позвал он.

Но Нодока не остановилась. Она собиралась зайти еще дальше. Вода уже доходила ей до колен.

— Черт возьми!

Очевидно, она и не собиралась останавливаться. Взбивая ногами песок, Сакута бросился в воду. Волны плескались у его ног, когда он бросился вслед за Нодокой.

— Подожди!

Шум прибоя поглотил его голос. К тому времени, когда он наконец догнал ее, вода была уже на уровне груди. Каждая проходящая волна сотрясала их тела, поднимая их вверх.

— Тоёхама! — Он схватил ее за плечи, останавливая.

— Отпусти! — Нодока боролась, пытаясь сбросить его с себя.

— Что ты делаешь?! — Ему пришлось кричать, чтобы его услышали сквозь шум волн.

— Все закончено!

— Что?

— Закончено!

— Это не так!

— Отпусти меня! Я сказала, отпусти меня, тупица!

— Кто здесь ведет себя как дура?! Черт!

Над ними нависла тень. К тому времени, когда он понял, что это была волна, было уже слишком поздно. Бежать было некуда. Волна накрыла его с головой, и на мгновение он ничего не видел.

— Блеф!

Когда его голова вынырнула, Нодоки уже не было. Она потеряла равновесие и погрузилась под воду.

— Эй! Кхх...

Нодока выплыла, кашляя. Она проглотила много воды.

— Н—нет! Нет!

Нодока яростно билась. Если бы она оттолкнулась от дна, у нее не было бы особых проблем с тем, чтобы выйти из воды, но подводное течение, тянущее ее за ноги, заставило ее запаниковать.

— Я не могу... Я не могу!

Она разбрызгивала воду повсюду, пытаясь удержаться на плаву. Когда она снова начала тонуть, Сакута схватил ее сзади и вытащил из течения.

— Ты в порядке. Успокойся.

— Нет! Я не могу! Я не хочу!

Сакута оттолкнулся от морского дна, направляясь к пляжу. Его вели огни машин на 134—м шоссе. Волна, обрушившаяся на их головы, заставила его потерять всякое чувство направления. Ночью море было ужасающим.

— Нет! Я не хочу! Отпусти!

— Не могу этого сделать

— Просто оставь меня в покое!

— Как я уже сказал, я не могу этого сделать!

— Какое тебе дело?!

— Это по-настоящему дерьмовый способ испытать мое терпение!

Теперь они оба кричали, пытаясь перекрыть рев прибоя.

— Тебе не нужно этого делать, чтобы доказать, что ты что-то значишь!

— ?!

— Не заходи в океан, когда ты прекрасно знаешь, что я спасу тебя! Тупица!

Ему удалось вернуть их на побережье, вода была по колено. Он тяжело дышал.

— Заткнись... Заткнись! — Нодока уставилась на него, ее лицо сморщилось.

— Тебя волнует моя жизнь только потому, что это ее тело!

— Ты абсолютно права, — сказал Сакута, уверенный, что она не поверит отрицанию.

В любом случае, это было правдой.

— Иди к черту!

— И после всех тех блюд, которые я тебе приготовил, не притворяйся, что думаешь, что мне

все равно!

— Отпусти... Отпусти!

Но Сакута обеими руками обхватил запястья Нодоки. Неважно, как сильно она билась, он не отпускал.

— Просто отпусти меня!

— Ни за что. Если с тобой что-нибудь случится, Май будет очень грустно.

— ?!

Нодока ахнула. Она перестала сопротивляться и вообще перестала двигаться.

— Почему?.. — прошептала она, опустив голову. — Почему, почему?

Слезы начали падать в океан, смешиваясь с прибоем.

— Все дело в ней. Все, о ком кто-то заботится, — это она! Я никому не нужна! — Нодока просто давала волю всем своим эмоциям.

— ...

Она подняла на него взгляд, и он почувствовал, что она ведет отчаянную борьбу со своим собственным несчастьем.

— Как я уже сказал, это не относится к Май. Если с тобой что-нибудь случится, это сломает ее. Не заставляй меня повторять это снова.

То же самое почти наверняка относилось и к матери Нодоки, но он не думал, что она послушает, если он скажет это сейчас.

— Это неправда!

— Так и есть.

— Она сказала, что ненавидит меня!

— Это была настоящая ложь.

Строго говоря, обе эмоции, скорее всего, были правдой. Это была сложная смесь.

— У тебя есть доказательства? — спросила Нодока, как рассерженный ребенок.

Она, вероятно, думала, что победит его. Иногда детская логика может быть действительно эффективной. Но на этот раз у Сакуты был готов ответ.

— Хорошо, я докажу тебе это, — сказал он.

— Хм? — Это, казалось, встревожило ее.

— У меня есть доказательства, и я рад поделиться ими. Пойдем со мной.

— Эй!

Это так сильно удивило ее, поэтому ему уже не пришлось уговаривать ее, и все, что ему нужно было сделать, это дернуть ее за руку, и она последовала за ним. Они поднялись на пляж и остановились, чтобы выжать мокрую одежду. Во всяком случае, настолько, насколько они могли. Они немного высушили свои волосы — до некоторой степени — полотенцами с логотипом Sweet Bullet. Затем Нодока и Сакута вышли на главную дорогу.

Сакута ни разу не отпустил руку Нодоки. Не позволял ей снова уйти.

Они перешли дорогу, направляясь к станции. По дороге Сакута нашел такси, выезжающее со стоянки круглосуточного магазина. Он махнул рукой. Глаза водителя встретились с его глазами. Даже при свете уличных фонарей их состояние должно было быть очевидным. Их волосы и одежда все еще были мокрыми. Но такси все равно остановилось перед ними. Однако задние двери не открылись. Вместо этого дверь со стороны водителя открылась, и водитель вышел.

— Какие дети сейчас пошли, нельзя ведь сейчас купаться, неужели не понятно... — Трудно было сказать, о чем он думает на самом деле.

Он открыл багажник и достал брезент. Водитель разложил его на задних сиденьях.

— Готово. — Он жестом пригласил их внутрь.

Какой замечательный человек. Похоже, он не первый раз лицезрит эту картину. Может быть, у него было много мокрых пассажиров.

— Большое спасибо, — сказал Сакута и посадил Нодоку первой, скользнув за ней.

— ...

Он рассказал им, как добраться до дома. Водитель включил поворотник и тронулся с места. При первом свете Нодока сказала:

— Руки.

— Мм?

— Теперь у нас все хорошо, верно?

Она уставилась на сиденье между ними. Где лежали их руки, все еще сцепленные вместе.

— Ты снова собираешься бежать.

— Мы в машине.

— Как я могу доверять тому, кто бросился в океан?

— О чем ты вообще говоришь? — она заворчала, но не попыталась оттолкнуть его.

Тем более он не держал ее так крепко, чтобы она могла высвободиться, если бы действительно захотела. Некоторое время она смотрела в окно.

— Не думала, что будет так тепло, — пробормотала Нодока.

— Моя рука?

— Океан, тупица.

С наступлением ночи температура определенно понижалась. По сравнению с этим вода все еще казалась теплой. Сакута точно знал, почему было так. Он уже спрашивал Рио об этом раньше.

— Удельная теплоемкость воды выше, чем у воздуха.

— Ха?

— Я про океан, — сказал Сакута, глядя в окно.

— Удельная теплоемкость — это сколько энергии требуется, чтобы нагреть грамм вещества на один градус, верно?

— Я поражен, что ты это знаешь.

— Ты сам об этом заговорил!

— Верно, но...

В принципе, воду просто гораздо труднее нагреть, чем воздух, и это означает, что для охлаждения также требуется больше времени. В то время как температура воздуха может резко меняться ежедневно, океан медленно прогревается и остывает в течение длительного времени. Согретый солнцем за все лето, океан здесь по-настоящему горяч до самого ноября. Вот почему серфинг и другие водные виды спорта все еще были довольно популярны, даже в октябре.

Такси добралось до места назначения в тишине. Сакута еще раз поблагодарил водителя и протянул ему немного мокрых денег. Они вышли, и Сакута повернул Нодоку к дому Май. Он открыл замок на входной двери запасным ключом. Он всегда просил Нодоку впустить его раньше, так что на самом деле это был его первый раз, когда Сакута его использовал. Они поднялись на лифте на девятый этаж. Там он во второй раз воспользовался запасным ключом от двери ее квартиры. Войдя внутрь, он снял мокрые носки, прежде чем рискнуть зайти дальше. Нодока последовала его примеру, снимая мокрые колготки.

Сакута направился прямо в комнату с татами, которая раньше не особо использовалась. Она выходила в гостиную через раздвижные двери. Он подвел Нодоку к длинному шкафу в задней части комнаты с татами и жестом велел ей открыть его.

— Что?

— Продолжай.

— ...

Это был самый обычный шкаф. Нодока осторожно потянулась к ящику и нашла внутри жестянку из-под печенья.

— ...

Нодока снова озадаченно посмотрела на него.

— Ты увидишь, если откроешь его.

— Тьфу. — Она потянулась за жестянкой из-под печенья и поставила ее на татами, затем сняла крышку.

— О..., — выдохнула она.

Жестянка была заполнена конвертами всевозможных цветов. Многие из них с действительно детскими рисунками.

— ...

Не говоря ни слова, Нодока просмотрела стопку, одно письмо за другим. Все они были адресованы Май Сакурадзиме. Имена вверху были написаны кандзи красивым почерком. Чем дальше она шла, тем больше каракули стали детскими, и те, что внизу даже использовали неуклюже написанную хирагану.

— Это мои письма...

На обороте каждого письма было написано имя «Нодока Тоёхама» тем же почерком. Их было очень много. На первый взгляд их было больше пятидесяти. Может быть, даже больше сотни.

— С чего бы ей?.. — Губы Нодоки задрожали. — Я не понимаю.

Сакута подумал, что она все прекрасно поняла. В ее глазах стояли слезы.

— Я не понимаю, — снова сказала она.

Со стороны входа послышался какой-то звук. Дверь открывается. Сакута точно запер за собой дверь, так что это мог быть только один человек. Нодока, казалось, не слышала.

— Почему... почему?..

Она просто продолжала повторять это слово. У нее закружилась голова.

— Потому что она была счастлива, — сказал Сакута, взяв одно из писем, одно из тех, что на хирагане.

— Почему? — спросила Нодока, глядя на него снизу вверх.

— Я тогда тоже был совсем ребенком, так что не помню, но... Май была безумно популярна, когда была ребенком-актером, верно?

Она все еще была популярна, но, когда она впервые появилась на экране, ее появление стало частью духа времени. Май была практически на каждом шоу. Не только сериалы и фильмы — она снялась в тонне рекламных роликов и в качестве гостя в варьете. Сакута помнил ее как маленького ребенка, окруженного взрослыми. Это, должно быть, было головокружительно. Ей нужна была поддержка.

— ...

— Разве ты не счастлива, когда выходишь на сцену и фанаты выкрикивают твое имя?

— Конечно, я счастлива.

— Здесь то же самое. Она была просто счастлива, что у нее есть кто-то, кто ее любит.

Письмо, которое он вскрыл, было наполнено чувствами маленькой Нодоки. Переполненная восхищением своей старшей сестрой, Нодока написала ей мысли о телешоу, в котором снималась Май, о рекламных роликах, которые крутили во время него, о постере фильма, который она видела в городе, даже о варьете.

«Ты была такой классной во всех них! Я горжусь тем, что у меня есть такая сестра, как ты».

Почерк был детским, но это только делало искренние эмоции еще более ощутимыми.

— Если ты думаешь, что это ее не развеселит, должно быть, по-твоему, Май действительно ледышка.

— Но я не!..

Нодока отчаянно пыталась отрицать это, но даже она, казалось, не знала почему так себя ведет. Ее эмоции были искренними. Ее глаза наполнились слезами.

— Я на самом деле не ее сестра!

Она больше не могла сдерживать их.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не понимаешь! Когда я писала это, я еще ничего не понимала. Мой отец снова женился, у

нее была другая мама...

— Ну, ты была всего лишь ребенком.

— Так что с тех пор, как я это поняла, я была напугана. Боялась того, что все это может значить для нее. Мне стало так плохо, что я больше не могла ей писать.

Лицо Нодоки исказилось. Она дрожала как осиновый лист.

— Я просто не могла...

Она сильно прикусила губу, пытаясь сдержать эмоции. Дрожь прекратилась. Ему показалось, что Нодока что-то сказала, но так тихо, что он не смог разобрать слов.

— Мм?

— Какое разочарование...

На этот раз он понял.

— Ты имеешь в виду Май?

— Тебя.

Нодока вытерла глаза и посмотрела на него снизу-вверх.

— Да?

— Почему ты знаешь ее лучше, чем я?

— Потому что я люблю ее.

— Как будто ты единственный...

— ...

— Я хотела сказать...

Она не смогла закончить мысль.

— Это намного проще сказать, чем «Я тебя ненавижу».

— З... заткнись!

— Ты чувствуешь то же самое, верно, Май? — спросил Сакута, поворачиваясь в сторону гостиной.

— Хм? — Нодока подняла глаза.

Она не заметила, как вошла Май.

— Ты человек без принципов, Сакута, — сказала Май, выглядывая из-за дверного косяка.

Она явно не собиралась продолжать прятаться. Май посмотрела на Нодоку, затем на стопку писем.

— Не выкапывай случайно чужие сокровища.

— ...Почему?.. — спросила Нодока.

Май тихо переступила порог и вошла в комнату с татами.

— Я помню, — сказала Май, глядя на письма.

— Тогда... Я помню, что все время чувствовала головокружение. Мама устроила меня в театральную труппу, и я смогла получить роль в телешоу, и прежде, чем я успела осознать, все разрушилось. Я не могла за тобой угнаться, — тихо проговорила она. — Меня таскали из студии в студию, я приходила домой только спать. А иногда даже не домой, а в какую-нибудь гостиницу. У меня даже не было времени посмотреть шоу, в которых я участвовала.

Сакута вспомнил, что Май была так занята работой, что даже не часто ходила в начальную школу. Она закончила школу, так и не обзаведясь друзьями.

Май достала пачку писем из жестянки и пролиستала их.

— Я даже не знала, сколько времени теряю за работой на телевидении. Я понятия не имела, но внезапно все в мире узнали обо мне. Иногда это было жутко. Какое-то время жизнь стала казаться затуманенной в отражении кривого зеркала. Все говорили о том, какой замечательной была моя работа, но я не знала, кем был кто-либо из них... и это было все, о чем я думала.

Май усмехнулась воспоминаниям.

— ...

Нодока просто наблюдала, она выглядела так, словно готова заплакать.

— Но пока все это происходило, ты была моим единственным лучиком света. Когда я впервые узнала, что у меня есть сестра, это меня расстроило. Но каждый раз, когда я начинала думать об этом, мне приходило письмо от тебя: «Ты такая классная. Ты потрясающая». И каждый раз, когда я это читала, это давало мне силы думать, что я способна свернуть горы. Если это делало Нодоку счастливой, то тяжелая работа того стоила.

— Я... я просто...

— Вот так я научилась любить свою работу.

Май повернулась лицом к Нодоке.

— Итак, Нодока?

— ...

— Спасибо

— ?!

— Спасибо, что стала моей сестрой.

— Сестренка... — На глазах Нодоки снова выступили слезы. — Это несправедливо.

Она даже не пыталась их вытереть. Она просто позволила эмоциям выйти наружу.

— Сейчас уже слишком поздно это говорить!

— ...

— Я хотела работать так же усердно, как и ты! Но ты идешь и получаешь солидный номер раньше меня?! Почему моя мама так хвалит тебя?! Я не могу в это поверить!

— Ну, я тренировалась, — сказала Май. — Я работаю каждый день.

От этого стало еще хуже.

— Это именно то, о чем я говорю! Все, что тебе нужно сделать, ты просто берешь и делаешь, оставляя позади тех, кому это дается труднее — просто делаешь все, что от тебя требуется! И их вина в том, что они слабее! Я ненавижу эту идеальную часть тебя!

Май отвесила Сакуте сильную пощечину. Он чувствовал, как распространяется пульсирующая боль.

— Почему я? — он спросил.

Очевидный вопрос. Нодока тоже уставилась на Май, наполовину удивленная, наполовину испуганная.

— Извини, — спокойно сказала Май. — С моей стороны глупо было так поступать, я совершенно потеряла самообладание.

— Тогда ударь ее!

Май была зла на Нодоку, верно?

— У нее завтра съемка в модном журнале. Я не могу рисковать, оставляя след.

— Если ты можешь думать так далеко вперед, значит, ты на самом деле не потеряла рассудок.

— Вот почему я извинилась. — Май вела себя так, будто была обижена. — Ты можешь выдержать пару пощечин ради меня.

— Только если ты постарайся загладить свою вину позже, — предложил Сакута, потирая щеку.

— Хорошо, хорошо. Признаю, было больно. Твое терпение заслуживает значительной награды.

— Вот об этом я и говорю! — сказала Нодока. — Ты как профессионал пытаешься убедить меня, что просто выполняла свою работу, и что это мне дает? Где ты выкидываешь меня за борт?

Май рухнула на колени.

— В случае Май, для нее это единственный способ как-то справляться с насущным.

Май посмотрела на него так, словно ему следовало бы уйти поскорее, но Сакута сделал вид, что ничего не заметил.

— Я почти уверен, что эта сторона Май — просто... неловкость.

— Сакута...

Это был укоризненный тон, но Сакута и это проигнорировал.

— Она из тех девушек, которые могут легко пренебрегать парнем, с которым только начала встречаться, верно? — сказал он. — Мы так ничего не успели сделать за летние каникулы.

— Ч... что ты хочешь сказать, Сакута? — спросила Май, удивившись.

— Май обычный трудоголик.

— Ты так думаешь?

— Я имею в виду, у меня есть моя первая девушка, и я так взволнован, в то время как она просто забывает обо мне! Нормальный человек не смог бы так поступать.

Теперь он жаловался ей напрямую.

— Ну, Нодока и я...

— Нет, нет, не приплетай меня.

— ...Ты сказал, что поддерживаешь меня в работе, — сказала она, надувшись.

— Этому есть пределы.

— М... может быть, но...

Она действительно ломалась. Может быть, какая-то часть ее действительно чувствовала себя неловко из-за этого.

— Но сейчас мы говорим о Тоёхаме, — сказал он. — Нам лучше оставить это на потом.

Нодока наблюдала за ними с легким удивлением. Но потом она вдруг фыркнула, словно позабавившись увиденному.

— Хорошо, может быть, моя сестра не так идеальна, — сказала она, ее глаза переместились с Сакуты на Май и обратно, — у нее явно паршивый вкус на парней.

Нодока довольно сильно рассмеялась после своих слов. Сакута надеялся, что Май будет спорить по этому поводу, но Май не соизволила сказать ни слова в его защиту. Она просто подождала мгновение, а затем тихо сказала:

— Нодока.

— ...

Нодока посмотрела на нее, внезапно напрягшись. Ее губы плотно сжались. От ее смеха не осталось и следа. Теперь все по делу.

— Тебе пора отцепиться от своей матери, — упрекнула ее Май.

— А? — Нодока лишь моргнула в ответ, как будто она понятия не имела, почему Май сказала это.

— После шоу ты видела свою маму в очереди, чтобы дать пять, верно?

— Вот почему я!..

Эмоции, которые бурлили ранее, явно снова вспыхнули в ней.

— У нее дрожала рука, — сказала Май так же спокойно, как и Нодока. — Когда я держала руку твоей матери, она дрожала.

Май протянулась и взяла Нодоку за руку, обхватив ее своей.

— Я думаю, что она была напугана все это время

— Напугана?..

И снова Нодока совершенно не понимала, что Май пыталась сказать.

— Напугана, потому что она втянула тебя в бизнес и заставила пройти прослушивание, чтобы

стать идолом. Даже до того, как устроила тебя в театральную труппу.

— Я не...

— Она никогда не была уверена, что это сделает тебя счастливой.

— Сделает меня... счастливой?

— Ты до сих пор не понимаешь? — Голос Май был невероятно нежным.

— ...

Нодока просто уставилась в землю, качая головой. Но казалось, что она действительно поняла это, на подсознательном уровне. Как будто мысль дошла и сразу же растворилась в сознании, не давая шанса ее выразить словами.

— После того, как ты так долго отчаянно пыталась оправдать ее ожидания, она начала бояться, что ты на самом деле несчастна.

— Но я не знала!..

Нодока рефлекторно пыталась отрицать это, как будто чувствовала, что все, во что она верила, рушится. Она опрокинула стопку конвертов, и они рассыпались по татами. У нее не хватило духу поднять их. Она просто повторяла:

— Я не знала, я не знала... — она обхватила себя руками.

Нодока никогда еще не была такой сломленной!

— Ну, ты же не можешь сказать это своему ребенку, не так ли? — Сакута начал осторожно собирать конверты, один за другим, сокровища Май. — Они не могут рассказать своим детям, как страшно быть родителем.

Когда он встретил своего отца на днях, он словно прочитывал этот его страх между строк.

— Лично я не вижу в этом проблемы. Пытаться соответствовать чьим-то ожиданиям — совершенно прекрасный способ жить. Он не неправильный, если ты сама его избрала, только не нужно винить в этом своих родителей.

— Я ... это не... — Нодока все еще цеплялась за что-то. — Я выбрала!..

— ...

— Я сделала...

В конечном счете, именно ее собственные слова поставили все на свои места.

Голос Нодоки стал очень тихим. Буря эмоций стихла.

— Я имею в виду... Я ... я... Мама всегда злилась. Я просто хотела, чтобы она была счастлива! Все, о чем она когда-либо говорила, была ты. Я просто хотела, чтобы она меня похвалила! Я просто хотела увидеть ее улыбку!

Она выдавила из себя эти слова, а вместе с ними и поток слез. Казалось, они наконец—то увидели ее истинные чувства.

— Тогда тебе просто нужно сделать ее счастливой, делая то, что ты выбираешь.

— ...

— Не то, что твоя мама говорит тебе делать

— Хнык...

Теперь Нодока рыдала, как маленький ребенок. Май притянула ее к себе, чтобы обнять. Нежно похлопывая ее по спине.

— ...Извини. Прости, мам...

Нодока выплакала все свое сердце в объятиях Май. Когда рыдания наконец стихли, она подняла лицо.

— Сестренка... — Сказала она.

— Хм?

— Я не обязана быть такой, как ты, верно?

Именно такой хотела видеть ее мать Нодоки.

— Ты можешь быть такой, как я, если хочешь.

— Я не хочу!

Она так сильно подскочила на этом месте, что бровь Май дернулась. Нодока не заметила этого. Май быстро пришла в себя, мягко улыбаясь. Казалось, ей было немного грустно от того, что она больше не была примером в жизни своей сестры, но больше всего она гордилась тем, что ее сестра начала находить свой собственный путь.

Сакута с облегчением наблюдал, как сестры сближаются, а затем...

Он моргнул.

— Хм?

Когда он снова открыл глаза, все было по-другому.

— П—подожди...

— Э—э, что?

Май и Нодока выглядели одинаково удивленными. Этого, вероятно, следовало ожидать, поскольку именно они изменились. Они поменялись телами. Нет, это было не совсем правильно. Это было правдой, но не совсем. В то мгновение, когда глаза Сакуты закрылись, Май и Нодока поменялись местами. Нодока Тоёхама обнимала Май Сакурадзиму, но теперь Май обнимала Нодоку. Проблема была в том, что их одежда не поменялась. Май Сакурадзима была одета в одежду Нодоки, а Нодока Тоёхама была одета в наряд, который она выбрала для участия в концерте. Только их тела поменялись местами.

— Мы вернулись?

— Я... полагаю?

Май и Нодока похлопали себя, чтобы убедиться. Затем они обе встали и помчались в ванную, чтобы посмотреть в зеркало.

— Так и есть. Мы снова поменялись местами!

Сакута с облегчением вышел в гостиную. Казалось, они наконец—то освободились от подросткового синдрома обмена телами. Ему придется попросить у Рио объяснений в следующий раз, когда он будет в школе. Наблюдение за тем, как произошел обмен, не дало ему

того просветления, которого он хотел. Честно говоря, Сакута чувствовал себя слишком усталым, чтобы думать об этом сейчас. Он зевнул. Затем рядом завибрировал телефон. Из кармана сумки Май, той самой, которую носила с собой Нодока. Другими словами, это действительно был телефон Май. Он взглянул на экран и увидел на нем Рёко. Менеджер Май.

— Май, у тебя звонит телефон.

Май прибежала обратно, и он протянул ей телефон. Она ответила немедленно.

— Привет, Рёко. Это насчет расписания на завтра?

Прошел месяц с тех пор, как Май была Май. Казалось, прошла целая вечность. Была явная разница между Май и тем, кем притворялась Нодока Настоящая Май была уверена в себе. Она была переполнена этой уверенностью.

— Хм? Правда? Эм, верно. Да, извините... это на мне. Правильно.

Эта уверенность, конечно, быстро испарилась. Май нахмурилась, ее взгляд стал мрачным. За что она принимала на себя вину здесь?

Нодока вышла из туалета, выглядя встревоженной. Явно боялась, что она как-то напортачила.

— Правильно, конечно. До свидания.

Май повесила трубку. Она быстро начала тыкать пальцем в экран. Она не стала жаловаться, когда Сакута заглянул ей через плечо. Она искала парня Май Сакурадзимы.

Пока загружались данные изображения, Нодока переместилась и заглянула с другой стороны.

И когда появились результаты...

— Фух.

— Ах!

— Хм?

Все трое издавали странные звуки.

На экране появилась фотография Сакуты и Май, идущих вместе. И это был не единственный

снимок. Их было четыре, в разных местах. На платформе, идя домой, на пляже вместе... Он сразу понял, что все это были недавние снимки. С прошлого месяца. Все они были сделаны, пока Нодока была в теле Май.

Агентство уже получает вопросы. Голос Май звучал гораздо спокойнее, чем по телефону. Как будто ей нравилась эта ситуация. Может быть, она надеялась, что это, наконец, отменит правило никаких свиданий.

— П... прости, сестренка... — Нодока, казалось, восприняла это на свой счет. — Я не знаю, что делать...

— Тебе ничего не нужно делать, Нодока.

— Но...

— Это не проблема.

Май протянула руку и положила ее на голову Нодоки.

— Оставь это мне.

— ...Х... хорошо.

— Сакута... извини. — Она посмотрела в его сторону, затем опустила глаза в пол.

— Какое-то время — это будет ад.

— Ну, я собираюсь выжать из тебя много одолжений, чтобы компенсировать эту ситуацию, так что я думаю, со мной все будет в порядке.

— Отлично. Как только все это закончится, я схожу с тобой на свидание, о котором ты просил, — пообещала Май.

Май выглядела довольной.

Часть 3

— Похоже, я вызвала настоящий переполох, — начала Май, выглядя немного смущенной.

Сакута смотрел на нее по телевизору. Это была пресс-конференция, на которой была

объявлена первая главная роль Май Сакурадзимы в фильме после ее возвращения из перерыва. Актеры и продюсеры сидели на стульях вокруг очень бородатого режиссера. Их было около дюжины, от ветеранов до свежих лиц. Но камеры показывали только Май.

В школе был обеденный перерыв. Сакута смотрел пресс-конференцию Май по телевизору в научной лаборатории. На этот раз это определено было его заботой. Или, скорее, это было отчасти по его вине.

Независимо от того, на какой канал он переключался, все дневные новостные программы показывали прямую трансляцию этой пресс-конференции. От репортеров посыпались вопросы. Ничего о фильме. Все о фотографиях в Интернете и последующем еженедельном освещении журналом личной жизни Май Сакурадзимы. Никто не хотел говорить ни о чем другом. Это была первая яркая сплетня, которую Май позволила им услышать. Учитывая ее уровень популярности и известности, эта история имела большой успех. Вот уже несколько дней в шоу сплетен о знаменитостях больше ничего не обсуждалось. У ее дома тоже была постоянная толпа камер.

Сакута был вынужден пробираться в свою собственную квартиру. Май вообще не смогла посещать школу и переехала в отель, который ее агентство забронировало для нее. Эта пресс-конференция была ее первым появлением перед камерой с тех пор, как их отношения были раскрыты. В комнате было поразительное количество камер. Все они сосредоточились на лице Май, чтобы не пропустить ни единой перемены в ее выражении. Ведущий программы новостей сказал, что в комнате стало тесно из-за такого огромного количества репортеров. Май спокойно отвечала на вопросы.

— Это правда, что у вас есть отношения?

— Да, это так. — Она все еще выглядела слегка смущенной, но смогла открыто признаться.

— Вы можете рассказать нам о нем?

— Он совершенно бестактен. — Май улыбнулась, явно шутя, но она решила не увлекаться этим.

— Как давно вы встречаетесь?

— Эм... около трех месяцев.

— Как вы познакомились?

— Ну, он пригласил меня на свидание перед всей школой... И я не ответила ему сразу, но он спрашивал меня каждый день в течение целого месяца и в конце концов утомил меня.

К третьему вопросу она слегка заколебалась, а к четвертому она тщательно подбирала слова,

явно взволнованная.

Даже через телевизор Сакута мог сказать, что она покраснела. Она, казалось, не знала, куда смотреть.

— Май, ты ужасно покраснела! — заметила женщина-репортер, явно забавляясь.

— Это мой первый парень, и я говорю об этом перед всеми этими камерами! Как я могу не чувствовать себя немного неловко?

Май поджала губы, дуясь, как ребенок. Затем она начала обмахиваться веером, как будто там было действительно жарко.

— Ты только что сказала первый. Ты раньше ни с кем не встречалась?

Май поморщилась, как будто она оступилась. Она быстро пришла в себя.

— Журналы писали обо мне в течение многих лет, но это первый раз, когда у вас действительно появилась почва для сплетен.

Она укоризненно посмотрела на репортеров. Явно пытаясь скрыть свой стыд за сарказмом. Ее румянец не казался притворством. И это заставило всех взрослых тепло улыбнуться. Май Сакурадзима очень хорошо умела выглядеть уравновешенной и зрелой. Она серьезно относилась к своей работе и заслужила значительное доверие со стороны актеров и съемочной группы. Но Май Сакурадзима все еще училась в старшей школе. Она была так же способна влюбиться, как и любая другая девушка ее возраста — и им всем только что напомнили об этом. Атмосфера в комнате сразу изменилась. Чем больше Май краснела, тем больше репортеры старались не давить на девушку. Их позы смягчились, их тон стал более спокойным. Вопросы быстро стали глупыми — в хорошем смысле этого слова.

— Как тебе нравится называть его, Май?

— Просто его настоящее имя... — Голос Май был немного тихим, она замолчала.

— Никаких почестей?

— Нет... Э—э, это так странно?

Она огляделась вокруг, оценивая реакцию. Внезапно забеспокоилась, что обычно так себя никто не ведет. Женщина, наблюдавшая за пресс-конференцией, сказала:

— Вовсе нет. — и Май, казалось, почувствовала облегчение.

После этого ей задали еще несколько вопросов: каким было ваше первое впечатление о нем? Если бы он был животным, то каким? Какое у вас лучшее воспоминание о нем? Буря вопросов не проявляла никаких признаков ослабления. Во всяком случае, они становились все более навязчивыми. Ведущая пресс-конференции начала выглядеть встревоженной. По плану они должны были говорить о новом фильме.

— Могу я сказать? — спросила Май, прежде чем она смогла ответить на следующий вопрос.

— Да, Май? Продолжай.

Май встала, держа в руках микрофон. Она стала извиняться перед режиссером и своими коллегами за поднявшийся шум. Но продюсер был в восторге, и наоборот сказал, что благодарен за такую рекламу их проекта, режиссер был с ним солидарен и не возражал о продолжении разговора в том же направлении. Все стало одной большой шуткой.

— Да что со всеми вами не так! — взвизгнул кто-то рядом с ним.

Один комик ухватился за это и продолжил:

— В шоу-бизнесе «Не говори так!» означает «Обязательно скажи это при первой же возможности».

— Думаю, я поговорю со своим продюсером, как только закончится эта пресс-конференция, — сказала Май с очень пугающей улыбкой. Все репортеры рассмеялись. Режиссер и актеры. Только продюсер вспотел. Когда смех стих, Май повернулась к камерам.

— Мой парень — причина, по которой я снова начала работать. Он может быть с этим не согласен, но я твердо верю, что, если бы не он, я бы никогда больше не стояла перед камерой.

По ее тону было ясно, что она вспоминает события, произошедшие несколько месяцев назад. Но ее лицо все время оставалось красным, все еще явно смущенным тем, что она говорит о Сакуте перед всеми этими камерами.

— Эта новость обрушила на его голову много проблем. Так много, что я немного беспокоюсь, что он порвет со мной.

Репортеры, казалось, не восприняли это всерьез, если судить по их смеху.

— Я не шучу! — сказала она, изображая гнев.

Это вызвало еще больше смеха. Все присутствующие определенно были на ее стороне, несмотря ни на что сейчас.

— Как вы все, без сомнения, поняли, он обычный парень и не имеет никакого отношения к шоу-бизнесу. Моя личная жизнь — это одно, но я была бы признательна, если бы вы не помещали его фотографии в своих журналах или где-либо в Интернете.

Все еженедельные газеты размыли изображения. Но люди все равно могли бы легко идентифицировать его и его местоположение, если задались такой целью. Настоящей проблемой был Интернет, который был территорией беззакония и в лучшие времена. Фотографии в Интернете, скорее всего, были сделаны не каким-то профессионалом папарацци, это были обычные люди, которые загрузили их ради забавы. Большинству даже в голову не приходило что-то размыть. Его фотографии уже были в сети и распространялись со скоростью света. К счастью, в основном фото были сделаны издалека. Сакута еще не видел ни одной фотографии, достаточно четкой, на которой можно было разглядеть его лицо. Но в любой день могли появиться новые фотографии, что определенно беспокоило Май. Это мгновенно сделало бы его знаменитым.

— Если он в конечном итоге порвет со мной из-за этого, я не смогу сообщить вам какие-либо новости о наших отношениях, поэтому я была бы признательна вам за помощь.

Как только присутствующие стали становиться серьезнее, она отпустила еще одну шутку, и все расслабились. Хороший способ все закончить. Десять лет общения с прессой явно многому ее научили.

— Никто в Японии не был бы настолько бесстыден, чтобы сфотографировать кого-то и загрузить его лицо в Интернет, — усмехнулся режиссер.

Он хотел сказать, что люди, которые сделали это, были полными подонками.

В нижней части экрана была бегущая строка с твитами зрителей, помеченными названием программы.

«Молодец, директор! Я собираюсь посмотреть этот фильм! Верно говорит. Я бы не хотел, чтобы это случилось со мной. Хотя я очень ревную ко всем, кто встречается с Май Сакурадзимой. Неужели в Японии совсем не осталось морали?! Эм, извините меня! Май Сакурадзима сегодня слишком милая!»

Они продолжали в том же духе. Число людей, использующих хэштег, стремительно росло. Репортеры начали стесняться задавать оставшиеся вопросы. В любом случае, больше половины было задано.

Поднялась только одна рука. Сакута знал ее. Он встречался с ней, разговаривал с ней несколько раз. Она работала на киностудию, за творчеством которой наблюдал последнее

время. Ее звали Фумика Нандзе.

— У тебя есть что-нибудь, что ты хотела бы сказать своему парню прямо сейчас? — спросила она.

Это было не похоже на вопрос, больше на просьбу. Май ответила немного усмехнувшись.

— Я бы предпочла сделать это лично.

Май сама рассмеялась над этим. Она выглядела немного смущенной, но искренне счастливой. После этого они наконец-то заговорили о фильме. Поскольку казалось, что они покончили с романом Май, Сакута выключил телевизор.

— Сакурадзима хорошо справилась, — сказала Рио.

Она молча наблюдала вместе с ним.

— Ага. Теперь я люблю ее еще больше.

— Ты должен был сказать ей это.

— Я часто так делаю

— ...И как она реагирует?

— Она склонна говорить: «Да, да» и отмахиваться.

— ...

— Май легко смущается.

— А у тебя словно атрофировано чувство стыда.

Она была единственной, кто задал этот вопрос, но Рио уже потеряла интерес. Нет, у нее, наверное, его никогда и не было. Она зажгла спиртовую горелку и начала нагревать воду в мензурке. Наверное, готовит кофе.

— О, да...в любом случае, что все это было?

— Что было?

— Эти двое обмениваются телами.

— Вот. — Рио протянула ему книгу под названием «Квантовая физика для горилл».

Он открыл ее на первой странице. На странице была формула, которую он не понимал.

— Это чертовски умные приматы.

Он бы лучше прочитал книгу о том, какие умные гориллы.

— И технически они не обменивались телами, — сказала Рио, дуя на свой растворимый кофе.

— Да...

Когда они вернулись к нормальной жизни, Май перестала выглядеть как Нодока Тоёхама и вернулась в свой истинный облик. И Нодока перестала быть похожей на Май Сакурадзиму. Буквально в мгновение ока. Изменилась только их внешность.

— Ага.

— И что?

— Младшая хотела быть похожей на свою сестру, должна была быть похожей на нее, и это восприятие заставило ее физически превратиться в Май Сакурадзиму.

— Звучит правдоподобно... Но как?

— По сути, вероятно, наиболее уместно рассматривать это как форму квантовой телепортации.

Рио сделала глоток, достаточно остудив кофе. Пахло ужасно хорошо для быстрорастворимого напитка.

— Пожалуйста, расскажи мне больше.

— Я уже объясняла квантовую телепортацию раньше?

— Да.

Если вспомнить, это было еще во время летних каникул, когда она сама находилась под влиянием подросткового синдрома*.

[П\П: Подростковый синдром — это поведение подростка, стремящегося быть похожим на кого-то другого, дальше объяснение квантовой теории телепортации позволяет понять, что при этом синдроме происходит обмен телами. Видим в этом философский подтекст и аллегорию на последствия подростковых стремлений быть кем-то другим, аминь.]

Он смутно припоминал, что она в объяснении этой теории использовала особенно безумный аспект квантов, называемый квантовая запутанность. Рио объяснила, что квантовые чертежи, которые придали форму, например, самой Рио, могли бы быть синхронизированы с квантами в другом месте, распространив определенную долю информации, и благодаря наблюдению за Рио в этом месте она бы смогла осуществить телепортацию.

Для него это было слишком научно-фантастично.

— Итак, сестра Сакурадзимы сделала чертежи тела Сакурадзимы своими, владея собой и наблюдая за собой, она получила тело Сакурадзимы. Я думаю.

— ...

— Я не прошу тебя верить, и, честно говоря, я и сама толком не знаю.

Рио сделала глоток кофе, явно довольная этим прекрасным моментом. Мнение Сакуты явно никого не волновало.

— Но разве в этой теории нет огромного пробела?

— На стороне Сакурадзимы? — Рио знала, к чему он клонит.

— Да. Почему Май превратилась в Тоёхаму?

— Потому что, если бы она этого не сделала, мир не был бы последовательным.

— Хм?

— Если бы только ее сестра изменилась, тогда было бы две Май Сакурадзимы. Когда должна быть только одна.

— И что?

— Поэтому, чтобы сохранить последовательность, Сакурадзима превратилась в свою сестру. Но на летних каникулах было две Футабы.

— Но в моем случае это было последовательно.

— Так и было?

— Ты никогда не видел нас обоих сразу, не так ли?

— Нет...

Самое большее, что ему когда-либо удавалось, — это поговорить с одной из них по телефону, пока он был с другой. Как и заметила Рио, он никогда не видел их вместе.

— Законы сохранения* являются фундаментальной концепцией в физике. Если одно увеличивается, другое уменьшается. Если одно уменьшается, другое увеличивается. Весь мир следует этому принципу, поэтому совершенно логично, что если Тоёхама превратилась в Сакурадзиму, то Сакурадзима должна была превратиться в свою сестру.

[П\П: Закон сохранения энергии, закон сохранения импульса, закон сохранения массы и т.д.]

— ...

— Если это все еще не имеет смысла, может быть, тебе следует предположить, что Сакурадзима тоже, по крайней мере, немного завидовала своей сестре.

— Это имеет больше смысла.

Он не был полностью убежден, но копание глубже в квантовых вещах определенно не помогло бы. Он решил, что лучше всего притвориться понимающим. Он передал книгу о гориллах обратно к Рио. Как только он это сделал, раздался звонок, напоминающий о том, что обеденный перерыв закончен и наступило время для дневных занятий.

— Хорошо, я ухожу на занятия. — Он встал и уже собирался уходить.

— Азусагава, — крикнула Рио ему вслед.

— Мм?

— У тебя свидание после школы, верно?

— Да. — Он договорился встретиться с Май на станции Камакура после окончания пресс-конференции.

— Ну и что из этого?

— Я уверена, что ты заметил бы это раньше, но...может, тебе стоит застегнуть ширинку?

Он посмотрел вниз. Его окно в общество было распахнуто настежь.

— Мне повезло, что рядом есть девушка, которая может указать на такое недоразумение.

Рио избегала встречаться с ним взглядом. Она неловко смотрела в окно. Возможно, на сегодня она уже достаточно обсудила его промежность.

— Просто заткнись и уходи уже, — сказала она.

Он застегнул молнию и вышел из научного кабинета.

В тот день после школы Сакута сел в поезд, идущий прочь от дома. Не в Фудзисаву, а в Камакуру.

Весь путь до конца линии, станции Камакура. От Станции Шичиригахана, он проехал через Инамурагасаки, Гокуракудзи, Хасэ, Юигахаму и Вададзуку. Поездка заняла в общей сложности около пятнадцати минут. В этот день, в частности, эти пятнадцать минут казались вечными. Было ли это потому, что он направлялся на свидание? Поезд, казалось, шел еще медленнее, чем обычно. Сакута начал задаваться вопросом, не добавили ли они дополнительных остановок. Он знал, что они этого не сделали, но... Как раз перед Вададзукой он начал задаваться вопросом, не будет ли быстрее сойти и пробежать остаток пути. Но, несмотря на его нетерпение, поезд прибыл на станцию Камакура точно вовремя.

Сакута ждал у дверей и был первым человеком, сошедшим на платформу. Он поспешил мимо сувенирных киосков, направляясь к воротам. Они договорились встретиться у западного выхода со станции. Выйдя за ворота, он повернул направо, на площадь со старыми вокзальными часами. Это была небольшая площадь, так что, это было самым удобным местом для встреч, вам не пришлось бы долго искать друг друга.

Однако Май там не было. Он пришел на двадцать минут раньше, так что не ожидал, что она придет. Главная достопримечательность площади, часы, показывали 3:39. Он уставился на них, желая, чтобы стрелки скорее достигли четырех. Но часы упрямо показывали другое время.

Прошло пять минут. Медленно.

— Сакута, — раздался голос позади него.

Он резко обернулся.

— Ты смотришь на часы... Ты так долго ждал?

Май была одета в уличную одежду, ее каблуки стучали, во время ходьбы. Повседневный осенний свитер и юбка до колен. Сапоги чуть ниже. Легкий макияж, который делал ее еще более красивой. Ее волосы были заплетены в модную косу. И на ней была пара фальшивых очков в толстой оправе. Предположительно, маскировка.

— ...

Он не мог наглядеться на нее.

— Давай — выкладывай. Я тебе уже говорил, что на свидания полагается надевать мини-юбки и оставлять ноги открытыми, верно?

— В следующий раз.

— Пугает насколько ты сейчас мило выглядишь.

Любой, кто увидел бы Май, сразу бы понял, что она на свидании.

— Я в восторге, что ты так старалась для меня.

— Ну... — Май внезапно очень заметно отвернулась от него. — Я сказала, что у меня свидание, и мои парикмахер и визажист загорелись. На самом деле я не планировала заходить так далеко.

— Хм

— Что?

— Ничего.

— О, что еще более важно, Сакута... — Как будто она вспомнила что-то.

В этот момент ее настроение мгновенно изменилось. Этот слабый намек на смущение полностью исчез.

— Что? — У него было странное предчувствие, но он решил прикинуться дурачком.

— Разве тебе нечего мне сказать? — спросила она.

— Ты сегодня суперкрасивая!

Она молча протянула руку и погладила его по щеке. Довольно тяжело.

— Ай, ай!

Когда он поднял шум, она отпустила его. Затем она достала из сумки журнал и протянула ему, открыв на первой странице.

— Что это такое?

Ее губы улыбались, но глаза определенно не выражали радости.

— Я понятия не имею! — настаивал он.

За это он заработал пинок ногой.

— Только не каблуком!

Это было довольно болезненно.

— Тогда смотри!

— Хорошо.

Сакута сделал, как ему было сказано, сосредоточившись на журнале. Он прекрасно знал, что там написано, даже не глядя. Статья вышла несколько дней назад, и он уже прочитал ее. Заголовок крупными буквами гласил: «Первая любовь Май Сакурадзимы?!» Другими словами, речь шла о Сакуте и Май. Там были фотографии, на которых они вместе выходили из школы и махали друг другу у зданий. В центре был большой снимок их двоих на берегу океана.

На самом деле это была серия фотографий, на которых было похоже, что Май бросилась на Сакуту, сбила его с ног и поцеловала в щеку.

— Тоёхама споткнулась, и я поймал ее. Вот и все.

С тех пор, он знал, как ловко желтушники манипулировали этим. Делают только неточные снимки, чтобы это выглядело как-то иначе, не так как на самом деле. Иногда СМИ ужасают.

Это было сразу после пересъемки рекламы, так что один из репортеров, возможно, просто последовал за ними. Эти фотографии были сделаны очень хорошей камерой и были довольно высокого качества.

— И что?

— Глаза Май все еще не улыбались.

— Вот и все.

— Ты ничего не делал?

Неудивительно, что Май посетила мысль. Теперь ему будет не так-то легко было выпутаться из этого.

— ...

— Вы целовались?

Она очень ясно дала это понять. Здесь нет уклончивых эвфемизмов*.

[П\П: Эвфемизм — нейтральное по эмоциональной нагрузке слово, заменяющее негативное в определенном контексте. Например, тупой и не умный, проститутка и женщина с пониженной социальной ответственностью, второе слово в каждой паре является эвфемизмом.]

— Мягкий контакт, — признал он.

— ...

Молчание становилось непосильным грузом.

— Это был несчастный случай!

— И ты думаешь, что это нормально?

Май была явно раздосадована. Дрожь пробежала у него по спине. Конечно, называть это несчастным случаем он не собирался.

— Мне очень жаль, — сказал он, склонив голову.

— Ты раскаиваешься?

— Да.

— Я тебе не верю.

— Я клянусь! — Он поднял глаза к небу, его отчаяние было очевидным.

— Тогда продемонстрируй свою верность.

— Как?

— Решай это сам.

Май возмущенно отвернулась, но продолжала украдкой поглядывать на него, явно ожидая чего-то. Сакута наклонился и сказал:

— Ну, давай.

— Чего?

— Я просто предположил, что ты хочешь поцеловать меня в щеку.

— ... — Холодный взгляд говорил о том, что это был неправильный выбор.

— Э... э...

— Скажешь что-нибудь странное, и я пойду домой.

Какая ужасная угроза.

— Я люблю тебя.

— ...

Явно недостаточно.

— Я очень люблю тебя.

— ...

По-прежнему никаких признаков прощения.

— То, что ты моя девушка, — это все, что мне нужно для счастья. Я самый счастливый человек на свете.

Он не сводил с нее глаз и уловил тень улыбки.

— Естественно, — сказала она. Ее голос все еще звучал раздраженно, но выражение ее лица говорило об обратном.

— А ты? — спросил он.

— Мм?

— Мне было интересно, что ты чувствуешь.

Он не думал, что эта тактика работает. Ему почти никогда не удавалось вывести у нее что-то прямо. И выражение ее глаз говорило: «Ты не обманешь меня».

— Ты обещала вознаградить меня, — сказал Сакута, не отступая.

Май драматично вздохнула, но не выглядела такой уж раздраженной. Затем ее осенила идея.

— Смотри, Сакута.

— Что?

Их взгляды встретились. В ее глазах появилась слабая улыбка.

— Я думаю, что люблю тебя намного больше, чем ты думаешь.

— ...

Ему потребовалось мгновение, чтобы осознать услышанное. У него отвисла челюсть. Должно быть, это была более сильная реакция, чем она ожидала, потому что она сказала:

— Что за лицо! — И начала смеяться.

— Нет, я уверен, что люблю тебя больше! — сказал он.

— Конечно, допустим. Давай же! — Она схватила его за руку и пошла. — И сотри эту ухмылку со своего лица.

— Ты сама улыбаешься, Май.

— И тебе это нравится, — сказала она, ее улыбка излучала уверенность.

Это была та Май, которую он знал и любил.

— Я так счастлив, что хочу завтра еще одно свидание.

— Не могу. У меня съемка для журнала.

— О, тогда, когда?

— Может быть послезавтра.

На этой восхитительной ноте они направились на улицу Комачи, на улицу, вдоль которой выстроились причудливые маленькие магазинчики. Даже в будний день он был забит туристами и парочками. Все с удовольствием искали сувениры или ели только что купленную еду. На каждом лице была улыбка. Включая Сакуту и Май.Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1477665>